

Сапрыгина Нина Вадимовна

к. филол. наук, доцент

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

ДИАЛЕКТИКА ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Рассматривается трактовка понимания художественного текста с позиций философской диалектики. Это позволяет получить представление о возникновении замысла художественного произведения, о творческих намерениях автора, его творческих задачах, о взаимодействии авторских интенций и читательского восприятия, о влиянии читателя на формирование окончательного текста.

Ключевые слова: понимание, диалектика, художественный замысел, читательское восприятие.

Проблема понимания сообщения актуальна в теории коммуникации, в психологии общения, в психолингвистике. Она также актуальна в психологии искусства. Эта проблема входит в более общую проблематику процессов познания в человеческой психике.

Цель статьи — обосновать необходимость выдвижения и изложить диалектическую трактовку понимания художественного текста, отражающей своеобразие художественного текста как произведения искусства и в то же время описывающей некоторые общие закономерности порождения текстов.

Проблема понимания в психологии относится к разряду сложных и недостаточно изученных, недостаточно классифицированных, обладающих признаками междисциплинарности. В то же время её сложность вызывает глубокий научный интерес, поскольку в её разработке содержатся богатые объяснительные возможности для психологических феноменов.

Психология понимания разрабатывалась в трудах Г. С. Костюка, Л. П. Доблаева, В. В. Знакова и др. Психологию понимания Г. С. Костюк трактовал как область, относящуюся к психологии мышления. «Сущность процесса понимания заключается в познании субъективно новых для него объектов» [9: 370]. «Вследствие аналитико-синтетического раскрытия существенных свойств объекта, его связей с другими, уже понятыми объектами, он становится понятным для субъекта» [9: 370]. Г. С. Костюк осуществил разностороннюю характеристику понимания как психологического явления. Важнейшая характеристика понимания, которая является ключевой для нашей работы, это положение Г. С. Костюка о том, что понимание есть «установление связей» [10: 212].

Однако дальнейшая разработка проблемы понимания показала её своеобразие в сопоставлении с психологией мышления, выделение в ней своих аспектов, в частности, субъективного отношения к усваиваемым знаниям при поиске взаимосвязей между ними (Л. П. Доблаев [3]).

В работах В. В. Знакова [4; 5; 6] продолжено развитие теоретических идей Г. С. Костюка. Проблема понимания связана с проблемой смысла. В понимании формируется смысл деятельности. В понимании происходит «формирование операционального смысла новых свойств объекта» (В. В. Знаков [4: 26]).

Анализируя различные концепции понимания в филологических дисциплинах, философ В. К. Нишанов [8] разделил эти концепции на герменевтические и антигерменевтические. Идеи психологической герменевтики плодотворно разрабатывают Н. В. Чепелева [16; 17; 18]; В. В. Андриевская [1], Т. М. Титаренко [14] и др.

Для психолингвистических задач важно выделение двух объектов процесса понимания. Это понимание человеческой личности и понимание текста (сообщения). Понимание текста в психолингвистике первоначально трактовалось как декодирование — извлечение содержания из текста реципиентом исходя из знания кода — значений и правил употребления отдельных знаков (С. Osgood [19]).

В психолингвистике важным постулатом является то, что для понимания текста реципиент должен обращаться не только к знаниям о мире, отражённым в тексте, но и к знаниям о личности, породившей текст, к пониманию некоторых сторон этой личности (мотивов, личного опыта, ценностно-смысловых ориентаций) (Ю. Н. Караулов [7]). Задача понять другого толкуется как познание другого через его восприятие. А. А. Бодалев полагал, что для изучения восприятия и понимания личности другого можно использовать материал художественных произведений. «Схему изучения особенностей восприятия и переживаний, которые в процессе его возникают... можно успешно использовать при выяснении впечатления, которое... вызывает у читателя тот или иной герой художественного произведения» [2: 50].

Материалом для нашей работы явились черновые варианты литературных произведений. Мы пользовались методом анализа продуктов человеческой деятельности. Черновые варианты сопоставлялись с биографическими данными о личности автора.

Для нашей идеи важно проследить, что именно вызывает чувство удовлетворённости автора, вывод о законченности работы, достижении цели, а что вызывает желание продолжать поиски новых вариантов. Это дало бы возможность получить представление о целях автора. Мы обратились к одному из самых загадочных произведений русской литературы XX века — «Поэме без героя» Анны Ахматовой. Когда исследователи в начале XXI века получили доступ к архиву Ахматовой, который был разрознен (часть его оказалась за границей), возникла возможность изучить варианты «Поэмы». Эти варианты были опубликованы в исследовании С. А. Коваленко [12].

На примере ахматовской «Поэмы» нами обнаруживается закономерность, которая подтверждается на литературных произведениях других авторов. Эта закономерность описывает колебания между противоположными интенциями автора и, таким образом, носит диалектический характер.

Диалектика есть философское учение «о наиболее общих законах развития общества, природы и мышления» [15: 93].

В марксистском понимании основная формула диалектики получила выражение в тезисе о «единстве и борьбе противоположностей», который использовался в преподавании философии и был удобен своей лаконичностью. Однако философское учение о диалектике возникло задолго до марксизма.

Первоначально, в Древней Греции, *dialektike techne* означало 1) способность вести спор посредством вопросов и ответов, 2) искусство классификации понятий, разделения на роды и виды [15: 93]. Таким образом, диалектика изначально имела отношение к информации, диалогической коммуникации и пониманию текстов, а также к проблеме систематизации знаний.

Основа учения о диалектике была заложена в античности Зеноном Элейским, Аристотелем, Платоном. В эпоху Возрождения диалектику развивали Николай Кузанский и Джордано Бруно. Важнейшим периодом в развитии диалектики стал классический идеализм Канта, Фихте, Шеллинга. Вершиной в разработке положений диалектики являются работы Гегеля.

Основная категория диалектики — противоречие — «источник всякого развития, движения». Противоречие заключается в самой сущности вещей. К ступеням развития противоречия относятся тождество, различие, противоположность [15: 301].

Однако у нас нет намерения рассматривать с помощью понятий диалектики закономерности «развития природы и общества», как это делали сторонники марксистской теории. Нами рассматривается возможность применения положений диалектики к проблемам создания и понимания сообщения, в частности, к проблеме возникновения замысла художественного текста и уяснения этого замысла, к которым не применялась марксистская диалектика.

Используя философские идеи диалектики, возможно с ее помощью объяснить особенности понимания художественного текста, и, как мы покажем на примере, также раскрыть ряд моментов творческого процесса. При этом мы опираемся на положение Г. С. Костюка о том, что «процесс понимания приобретает ярко выраженный дискурсивный характер» [10: 223], а также той идеи, которую выразил украинский психолог В. А. Роменец: «В основе творчества лежит механизм сопоставления двух событий — принципиальное сближение отдалённых и такое же размежевание близких» [13: 178]. Это есть единство противоположностей, а также механизм обнаружения связей.

Изучение материалов биографии Ахматовой привело нас к выводу, что в «Поэме» должна была отразиться личная проблема поэтессы, вызвавшая глубокие переживания, которые явились мотивом возникновения творческого замысла и причиной стремления отразить их в художественной форме. Эта проблема, будучи сугубо психологической, не была отражена в многочисленных филологических комментариях к поэме.

Наше обращение к вариантам «Поэмы» привело нас к выводу о том, что Ахматова, работавшая над её текстом, начиная с возникновения замысла практически всю оставшуюся жизнь (с 1940 по 1965 год) не была

удовлетворена «Поэмой» и не считала работу над ней законченной. Этому, казалось бы, противоречат надписи Ахматовой на отдельных экземплярах о том, что такой-то вариант является окончательным. Но это подтверждается тем, что существовали строфы, оставшиеся в памяти слушателей, которые сама Ахматова называла «бродячими», потому что точного места в «Поэме» для них определить не могла, но не могла и отказаться от них.

Комментарии к «Поэме» указывают на то, что исследователи обнаружили реальных личностей, чьи конфликты отражены в «Поэме». Указания на этих прототипов как будто подтверждаются комментариями самой Ахматовой. Однако эти идентификации данных прототипов возникли гораздо позже «Поэмы». Мы обнаружили, что конкретные имена героев и героини появились в толковании «Поэмы» Корнеем Чуковским в его статье «Читая Ахматову», написанной после разговора Ахматовой с Чуковским и чтения ему «Поэмы», которое состоялось в 1955 году (свидетельствует дневник Лидии Чуковской). Мы считаем, что идентификации Чуковского уводят толкователей по ложному следу, и это сделано Ахматовой и Чуковским намеренно.

Суть личной проблемы Ахматовой состояла в том, что Ахматова испытывала любовь к человеку, который оказал влияние на её становление как поэта. Человек этот рано умер, а жизнь Ахматовой продолжалась ещё несколько десятилетий. Чувство любви и благодарности к нему, осознание его исключительности — остались на всю жизнь. Ахматову мучила невозможность снова раскрыть свою душу перед человеком, способным её понять, оценить, оказать поддержку, дать совет.

С точки зрения обывателя и атеиста, нелепы чувства к человеку, которого нет на свете. Мораль нового общества была строгой, дореволюционные стихи Ахматовой заклеили в постановлении.

Ахматова знала, что её чувства не будут поняты, и поэтому зашифровала свою личную историю. Одновременно Ахматова поставила перед собой другую творческую задачу — описать атмосферу круга художественной интеллигенции России начала XX века, хорошо ей известную, доказать, что не всё в мире прошлого заслуживало уничтожения и забвения, как об этом твердила советская пропаганда. Впоследствии добавилась и ещё одна задача, подсказанная читателями, — изобразить настроения и судьбу интеллигенции, духовно связанной с прежним миром и потому подвергшейся гонениям, репрессиям.

В предполагаемых намерениях автора нами обнаруживается диалектическое противоречие между несколькими позициями. Выделение семантико-смысловых категорий этих позиций близко к идее выделения бинарных оппозиций в текстах и к биполярным шкалам Ч. Осгуда [19].

Колебания между позициями «всё рассказать» (о том переживании, которое вызвало творческий импульс и замысел) и «всё скрыть» (но всё-таки создать произведение, отдав ему энергию, которая возникала из-за переживаемой проблемы). В результате получается: что-то сказано, что-то скрыто.

Понимание читателя колеблется между противоположностями «сказано буквально» и «сказано фигурально». Первое означает, что существует

единственный смысл, есть указание на объект, который имелся в виду, не требуется усилий при понимании. Второе предполагает, что в высказывании есть по меньшей мере два смысла; объект прямо не назван, назван другой объект, обозначенный в переносном смысле, поскольку замещает истинный объект. Истинный объект нужно найти, и требуются усилия для этой разгадки.

Эта читательская задача похожа на авторскую проблему «рассказать/скрыть».

С авторской стороны «буквально/фигурально» может означать приём, способ художественного мышления. Он порождён диалектикой «рассказать/скрыть», но также и читательской потребностью в угадывании. Загадка возбуждает любопытство, интерес. А. Н. Леонтьев высказал идею о том, что художественное произведение есть «задача на смысл» [10]. Обнаружение смысла читателем есть решение задачи.

Однако если текст сложен, и на решение загадки надежды нет, читатель теряет интерес к книге.

Порождение текста также колеблется между позициями «общее/уникальное». Правила языка, значения работают на окружающих и способствуют пониманию тогда, когда используется общее для всех. В то же время автор стремится выразить своё уникальное видение ситуации, своё отношение к ней, создаёт свои слова, свои изменения в языке.

Следующая диалектическая противоположность — это «своё/чужое». Рассказать об исключительном можно, используя общее, известное. Но это общее будет «чужим». Необходимо искать свои способы выражения.

Так, творчество литературного эпигона будет состоять из готовых выражений, заимствованных находок, типичных способов описаний, особенностей чужого литературного направления, с которым у автора нет тесной духовной связи, и т. п. Между тем это творчество может быть отражением личных переживаний. Однако для него использован чужой язык. Но то, что является «чужим» для автора, может быть «своим» для читателя, потому что легко для понимания.

Говоря о «Поэме без героя», можно сделать вывод, что, обладая исключительным чувством художественной гармонии, Ахматова не нашла желаемого равновесия между исповедальным и скрываемым, между открытым и зашифрованным, между читательским видением и своим собственным. Творческая задача, поставленная перед собой Ахматовой, была исключительно сложна и вряд ли могла быть разрешима в условиях, когда читатели обладали иным мировоззрением, были свидетелями иного общества, чем Ахматова, и весьма смутно представляли себе, что было в дореволюционном прошлом. Художественное решение «Поэмы» не удовлетворяло автора, однако Ахматова не останавливалась перед задачей. Поэтому работа над произведением постоянно продолжалась.

Диалектическая трактовка понимания художественного текста позволяет получить представление о возникновении замысла, о творческих задачах автора, о взаимодействии авторских интенций и читательского восприятия, о влиянии последнего на формирование окончательного текста.

Список использованных источников

1. Андрієвська В. В. Усвідомлення та інтерпретація педагогом свого професійного досвіду: перспектива герменевтичного дослідження / В. В. Андрієвська // Актуальні проблеми психології/ АПН України. Ін-т психології ім. Г. С. Костюка. Т.2 Психологічна герменевтика. Вип. 2/ За ред. Н. В. Чепелевої. — К., 2002. — С. 33–43.
2. Бодалев А. А. Личность и общение: Избр. труды / А. А. Бодалев; АПН СССР. — М.: Педагогика, 1983. — (Труды докторов, членов и чл.-корр. АПН СССР).
3. Добраев Л. П. Психологические основы работы над книгой/ Л. П. Добраев. — М.: Книга, 1986.
4. Знаков В. В. Понимание в познании и общении / В. В. Знаков / Отв. ред. А. В. Брушлинский. — М.: Ин-т психологии РАН, 1994.
5. Знаков В. В. Психология понимания: проблемы и перспективы / В. В. Знаков; РАН. Ин-т практич. психологии. — М.: Ин-т практич. психологии, 2005.
6. Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. — М.: Изд-во Ин-та практической психологии РАН. — 2007.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. — М.: Наука, 1987.
8. Коммуникативная и когнитивная природа понимания / [В. К. Нишанов]. — М.: ИНИОН, 1989. — (Серия «Актуальные проблемы прикладного языкознания» / АН СССР, ИНИОН).
9. Костюк Г. С. Вопросы психологии мышления / Г. С. Костюк // Психологическая наука в СССР: Сб. ст. Т.1 / АПН СССР. Ин-т психологии; Ред. кол.: Б. Г. Ананьев и др. — М.: Изд-во АПН СССР, 1959. — С. 357–440.
10. Костюк Г. С. О психологии понимания / Г. С. Костюк // Избранные психологические труды/ Г. С. Костюк; Под ред. Л. Н. Проколиенко; АПН СССР. — М.: Педагогика, 1988. — С. 195–228.
11. Леонтьев А. Н. В истине жизни (из научного архива А. Н. Леонтьева) / А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев // Художественное творчество и психология: [Сб. ст.] / АН СССР, ВНИИ искусствознания М-ва культуры СССР; [Отв. ред. А. Я. Зись, М. Г. Ярошевский]. — М.: Наука, 1991. — С. 170–190.
12. Петербургские сны Анны Ахматовой / Сост., вступ. статья, реконструкция текста и коммент. С. А. Коваленко. — СПб.: ООО «Изд-во «Росток», 2004.
13. Роменец В. А. Психологія творчості / В. А. Роменец. — 3-е вид. — К.: Либідь, 2004.
14. Титаренко Т. М. Про стратегії планування буденного життя / Т. М. Титаренко // Актуальні проблеми психології. Т. 2. Психологічна герменевтика. Вип. 2 / АПН України. Ін-т психології ім. Г. С. Костюка. За ред. Н. В. Чепелевої. — К., 2002. — С. 65–73.
15. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. — М.: Изд-во полит. лит., 1980. — С. 93–98.
16. Чепелева Н. В. Психологические механизмы понимания и интерпретации личного опыта / Н. В. Чепелева // Актуальні проблеми психології: Зб. ст./ АПН України. Ін-т психології ім. Г. С. Костюка. Т.1. Психологічна герменевтика. Вип. 2 / За ред. Н. В. Чепелевої. — К., 2002. — С. 3–13.
17. Чепелева Н. В. Текст как объект психологического исследования / Чепелева Н. В., Федченко Н. П., Яковенко Л. П. Текст как объект психологического исследования // Актуальні проблеми психології: Зб. ст./ АПН України. Ін-т психології ім. Г. С. Костюка. Т.1. Психологічна герменевтика. Вип. 2 / За ред. Н. В. Чепелевої. — К., 2002. — С. 44–54.
18. Чепелева Н. В. Психологія читання тексту студентами вузів / Н. В. Чепелева; АПН України. Ін-т психології ім. Г. С. Костюка. — К.: Либідь, 1990.
19. Osgood C. E. Language, meaning, and culture. Ed. By C. E. Osgood, O. C. S. Tzeng. New York : Praeger, 1990.

Н. В. Сапрыгіна

к. психол. наук, доцент

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

ДІАЛЕКТИКА РОЗУМІННЯ ХУДОЖНЬОГО ТЕКСТУ

Резюме

Розглядається трактовка розуміння художнього тексту, яка ґрунтується на ідеях філософської діалектики. Це дає можливість одержати уявлення про виникнення задуму художнього твору, про творчі наміри автора, його творчі завдання, про взаємодію авторських інтенцій та читацького сприймання, про вплив читача на формування остаточного тексту.

Ключові слова: розуміння, діалектика, художній задум, читацьке сприймання.

N. Saprygina

PhD, Associate Professor

Odessa National I. I. Mechnikov University

DIALECTICS OF LITERARY TEXT UNDERSTANDING

Summary

The explanation of a literary text understanding based on the idea of philosophical dialectics is examined. This idea allows to receive performance about occurrence of a plan of a piece of art, about creative intentions of the author, his creative tasks, about interaction between the author's intentions and the reader's reception, about reader's influence on the formation of the final text.

Key words: understanding, dialectics, literary plan, reader's reception.